

Ближняя дача Сталина

С. В. Девятков*, А. В. Серегин**, Ю. В. Юрьев***,
А. Н. Шефов****

В середине прошлого века в СССР о самом существовании «Ближней дачи», или просто «Ближней», было известно немногим. Для партийно-государственного руководства — членов Политбюро и правительства, ГКО и Ставки Верховного Главнокомандования — «Ближняя» была не столько дачей, где на протяжении двух десятков лет жил Иосиф Сталин, сколько его вторым, после кремлевского, рабочим кабинетом. Здесь «отец народов» в узком кругу обсуждал и принимал решения, от которых зачастую зависела не только жизнь миллионов советских людей, но и судьбы мира.

Попасть на «Ближнюю» можно было с разрешения лишь одного человека, ведь право входа туда и внутренний режим дачи определял он — «Хозяин». Так, с пиететом, называли между собой Сталина офицеры охраны, обслуживающий персонал дачи и его соратники.

Неожиданный вызов на «Ближнюю» всегда был важным событием, в особенности для руководителей среднего звена: ответственных работников ЦК ВКП(б), сотрудников министерств и ведомств. «Поехал на „Ближнюю“!», «Вызывали на „Зеленую“!». Этой новостью делились лишь с очень близкими товарищами по работе. Обсуждали, как правило, шепотом, иногда с испугом, а порой с завистью и восхищением. Одни из таких поездок возвращались удрученными, другие радовались, получив повышение по службе. «Все такие вызовы были окутаны таинственностью

и всегда для нас были событием»¹, — вспоминал в 1955 году работник аппарата ЦК партии А. Я. Казаков², получив назначение на должность директора музея «Дача Сталина».

О ближней даче не упоминали в официальных документах о приеме иностранных делегаций, не писали в периодической печати. Даже во время последней болезни Сталина в марте 1953 года о ней не было сказано ни слова. В правительственном сообщении фигурировала московская квартира вождя³. Только ближнее окружение Сталина да ограниченное число чиновников партийно-государственного аппарата и охрана знали место, где располагалась «Ближняя».

Между тем дача находилась не так далеко от Московского Кремля. Кратчайшая дорога от Кремля до «Ближней» занимала не более 12 минут. Начальник хозчасти дачи И. М. Орлов вспоминал: «Сталин сообщал нам заранее, вернее, за несколько минут, что он едет на дачу. Я тут же звонил на дачу и сообщал дежурному, чтобы готовили обед или ужин, в зависимости от времени. Дежурный тут же сообщал на кухню о приезде Хозяина. Там знали, что он заказал накануне на ужин, и все, что было заказано, тут же подогревалось и в специальных мельхиоровых судках приносилось в столовую. Если приезжали гости, на кухне успевали также приготовить все к приезду гостей и Хозяина»⁴.

Вождь устраивался в автомобиле не на заднем, а на специальном откидном сиденье, лицом

* Сергей Викторович Девятков — доктор исторических наук.

** Александр Васильевич Серегин — кандидат культурологии, доцент МГИМО.

*** Юрий Васильевич Сигачёв — кандидат исторических наук, член-корреспондент Российской Академии военных наук.

**** Алесандр Николаевич Шефов — кандидат исторических наук.

Ближняя дача Сталина.

по ходу машины. Он не только сам открывал дверцу автомобиля, но и откидывал свое сиденье без посторонней помощи. В автомобиль вместе с генсеком садились двое офицеров охраны. На заднем сиденье располагался заместитель старшего коменданта охраны (первый прикрепленный), спереди, рядом с водителем, — зам-

начальника личной охраны (второй прикрепленный). Таким образом, Хозяин оказывался надежно прикрыт телохранителями.

Кортеж вождя приближался к главному въезду на «Ближнюю». Тесовые двухстворчатые ворота охранял пост № 1. Здесь основная машина замедляла ход. Прикрепленный, приоткрыв

дверцу, высовывался, показываясь стоящей у ворот охране, и громко называл свою фамилию. Ворота открывались, и автомобили, не останавливаясь, двигались к Главному дому. К этому следует добавить, что заборы дачи имели разную высоту: четырехметровый наружный был позднее надстроен до 6 метров, высота внутреннего составляла 2 метра. Между заборами оставался двухметровый проход.

Когда Сталин вызывал на дачу соратников либо других высокопоставленных руководителей, то процедура идентификации у ворот была иной. Приглашенные ждали, пока откроется боковая калитка и оповещенный заранее дежурным по Главному дому старший офицер наряда выйдет к визитерам. Офицер всегда подходил к автомобилю гостя со стороны пассажира, сидящего рядом с водителем. Иногда на этом месте располагался сам гость, но чаще — его прикрепленный. Старший наряда, опознав приглашенного, давал своему напарнику команду открыть ворота. Только тогда створки ворот распахивались, машины, сопровождаемые старшим наряда, медленно въезжали внутрь, и ворота тут же закрывались. Ночью описанная нами сцена разыгрывалась в свете двух мощных прожекторов.

Через ворота № 1 на дачу въезжали сам Хозяин и его близкое окружение. Все остальные — офицеры спецслужб, партийные и советские чиновники средней руки — проезжали мимо первых ворот дальше по шоссе, огибали территорию дачи справа и через ворота № 3 попадали на хозяйственный двор. Минуя фруктовый сад, затем теплицу, котельную и прочие постройки, через ворота № 2 гости въезжали на основную территорию к хозяйственной пристройке Главного дома. Здесь, в так называемом служебном доме, размещались охрана и обслуживающий персонал дачи. Прибывшие проходили в комнату дежурного, где ожидали вызова.

Поездка на «Ближнюю» произвела неизгладимое впечатление на будущего вице-президента Югославии Милована Джиласа. Впервые он побывал в Москве и встретился со Сталиным в 1944 году. «Автомобиль шел со сравнительно большой скоростью — около восьмидесяти километров в час, — без задержек. Очевидно, регулировщики узнавали его по какому-то признаку и пропускали вне очереди. Выехав из Москвы, мы двинулись по асфальтированному шоссе. Позже я узнал, что оно называется «правительственным» шоссе, по которому еще долго после войны — а может быть, и сегодня? — разрешено

было ездить только правительственным автомобилям. Вскоре мы подъехали к заставе. Офицер, сидевший возле шофера, повернул какую-то табличку за ветровым стеклом, и охрана пропустила нас безо всяких формальностей. Правое стекло было опущено. Молотов⁵ заметил, что мне мешает сквозняк, и начал поднимать стекло — только тогда я заметил, что оно очень толстое, и сообразил, что мы едем в бронированном автомобиле. Думаю, что это был «паккард»...

Так мы проехали около сорока километров⁶, свернули влево на боковую дорогу и вскоре оказались в молодом ельнике. Снова шлагбаум, затем через короткое время — ворота. Мы были перед небольшой дачей, тоже в густом ельнике⁷.

В 30-е годы это место называлось «девятый километр». Тогда неподалеку, на Можайском шоссе, стоял километровый столб с цифрой 9 на указателе. После войны Москва, бурно отстраиваясь и расширяясь, сначала подступила к «Ближней», а потом и полностью ее окружила. Сама же дача в густом смешанном лесу сохранилась со дня смерти Сталина практически в неизменном виде.

Въезжаешь за высокий зеленый забор, и Главный дом неожиданно появляется справа за последним поворотом узкой асфальтированной дороги, ведущей от широких двустворчатых ворот к парадному входу. Генерал Власик впоследствии объяснил, почему дорога была проложена такой извилистой: «Еще в период Отечественной войны глава правительства, гуляя по территории дачи, собственноручно внес в эту схему [внутренних путей дачи. — *Авт.*] свои поправки... Все дело заключалось в том, что при старом расположении выездных путей с дачи фары машины били на Поклонную гору и тем самым сразу же выдавался момент выезда автомашины... Все эти пути находились внутри дачи, за двумя заборами⁸. К этому следует добавить, что заборы имели разную высоту: четырехметровый наружный был позднее надстроен до 6 метров, высота внутреннего составляла 2 метра. Между заборами оставался двухметровый проход.

Первое, что чувствуешь, оказавшись на «Ближней», — необыкновенную тишину и спокойствие. Сразу перестаешь ощущать раскинувшийся вокруг современный мегаполис. Не слышно интенсивного движения транспорта по дорогам, с трех сторон охватившим дачу. Время останавливается... и переносишься в те далекие годы. Невольно ждешь: вот на пороге дома появится его хозяин.

«Сталин был одет в маршалскую форму и мягкие сапоги, — пишет Джилас [Будущий вице-президент Югославии Милован Джилас], — без орденов, кроме Золотой Звезды Героя Социалистического труда на левой стороне груди. В его поведении не было ничего искусственного, никакой позы. Это был не величественный Сталин с фотографий или из документальных фильмов — с замедленной продуманной походкой и жестами. Он ни на минуту не оставался спокойным — занимался трубкой с белой точкой английской фирмы Данхилл... поворачивал туда-сюда голову, вертелся на месте.

И еще одно меня удивило: он был малого роста, тело его было некрасивым: туловище короткое и узкое, а руки и ноги слишком длинные — левая рука и плечо как бы слегка ограничены в движениях. У него был порядочный животик, а волосы редкие, хотя совсем лысым он не был даже на темени. Лицо у него было белым с румяными скулами... Зубы у него были черные и неправильные, загнутые внутрь. Даже усы не были густыми и представительными. Все же голова его не была отталкивающей: что-то было в ней народное крестьянское, хозяйское — быстрые желтые глаза, смесь строгости и плутоватости»⁹.

Впрочем, таким вождь предстал перед Джиласом при первой встрече в Кремле. На даче сталинское облачение было куда скромнее. Создавая атмосферу непринужденности, он встретил югославского коммуниста не в маршалском мундире и сапогах, а в полувоенном френче, столь хорошо знакомом всем по фотографиям, и ботинках. Словом, в таком виде он показался Джиласу «еще меньше ростом и еще более простым, совсем домашним»¹⁰.

Строительству сталинской дачи предшествовало трагическое событие, коренным образом изменившее быт генсека. Несомненно, оно ускорило переезд вождя из Зубалова. Утром 9 ноября 1932 года Надежда Сергеевна Аллилуева была найдена мертвой в своей комнате кремлевской квартиры. Смерть жены, как и многое другое, по-прежнему остается неразгаданной загадкой сталинской биографии.

Обеспечением безопасности партийных бонз занимался оперативный отдел (оперод) ОГПУ, который возглавлял Карл Паукер¹¹. Для охраны генсека отобрали наиболее опытных сотрудников оперода. Первоначально их было 9 человек, отсюда и обиходное название — «девятка». Оно прижилось, несмотря на последовавшее вскоре увеличение числа сотрудников до дюжины. Начальником личной

охраны Сталина стал уполномоченный оперода Н. С. Власик, а его заместителем — Л. Т. Богданов.

Надо сказать, что в 20-е — начале 30-х годов сам Кремль был населен почти так же густо, как и центр столицы. В его дворцах не только работали, но и проживали, как тогда говорили, «партийные, советские и хозяйственные руководители» со своими часто многочисленными семьями. Помимо семей чиновников рангом пониже, сотрудников охраны и обслуживающего персонала, здесь же размещались приближенные к сталинскому двору люди. Весьма колоритной фигурой из числа последних был известный пролетарский поэт Демьян Бедный (Придворов)¹².

Возглавивший сталинскую охрану Власик с рвением взялся за исполнение обязанностей. По его словам, помимо безопасности он озаботился обеспечением благоустроенного быта охраняемого лица и поехал в Зубалово. «Приехав на дачу и осмотрев ее, — вспоминал Николай Сидорович, — я увидел, что там царил полный беспорядок. Не было ни белья, ни посуды, ни обслуживающего персонала. Жил на даче один комендант.

Как зафиксировала в своем дневнике Сванидзе, в 1934 году Сталин еще не замыкался на «Ближней», а часто бывал и на других дачах — чаще в Зубалове, реже в Липках. Мог заехать в Зубалово повидаться с дочерью и, попив чаю, укатить на «Ближнюю» обедать: «...машины в мгновение исчезли с глаз. Он любит быструю езду»¹³. Со временем вождь стал все чаще и чаще посещать «Ближнюю», и вскоре она стала не только местом отдыха, но и вторым рабочим кабинетом после кремлевского.

Стены над панелями во всех комнатах Главного дома «Ближней» были выкрашены клеевой краской светло-желтого или лимонного цвета. На полах всюду лежали ковры.

Окна с толстыми стеклами и прочными дубовыми рамами надежно защищали Хозяина от внешнего мира. Снаружи все окна были забраны мелкочаистой медной сеткой, поэтому изнутри можно было видеть, что происходит в саду, оставаясь незамеченным.

В первоначальном виде Главный дом просуществовал недолго — неполных пять лет. Вскоре он была разобран. Новый дом был построен в мае 1938 года из кирпича, оштукатурен и выкрашен снаружи, как и прежний, зеленой краской, смешанной с цементом, поэтому иногда дачу называли «Зеленой». Это, видимо, был любимый цвет Сталина: многие дачи в Подмосковье и на юге были выкрашены в зеленый.

Дом, как и прежде, был одноэтажным, с семью жилыми комнатами: комнатой Светланы с выходом на террасу, библиотекой, гостевой, рабочей комнатой Сталина, столовой, кабинетом и спальней. На крыше был устроен солярий, по которому в детстве любила бегать Светлана.

Территория новой сталинской дачи с самого начала надежно охранялась. Особенно тщательно стерегли Главный дом. Вокруг здания располагались 6 оборудованных телефонами постов (в годы войны их количество увеличили). На постах, сменяя друг друга через два часа, дежурили по два офицера. Каждый был вооружен автоматом ППШ, кольтом и наганом. В экипировку входил и нож, которым офицеры владели так же хорошо, как и огнестрельным оружием. Дежурство продолжалось сутки, после чего постовые получали сутки отдыха. Посты располагались таким образом, что оставались незаметными для гостей вождя, прибывавших со стороны служебного здания.

Члены Политбюро и другие высокопоставленные лица, приглашенные Сталиным на «Ближнюю», попадали в дом через парадный подъезд. В прихожей их встречали, в зависимости от обстоятельств, либо дежурный офицер, либо комендант дачи, либо прикрепленный генерального секретаря.

При входе, справа и слева, вплотную к стенам установлены две деревянные вешалки с никелированными крючками для верхней одежды и полочками для головных уборов. Над вешалками по центру — сдвоенные бра.

Правая вешалка — для посетителей, левая — для Сталина. На крючках — по сезону — висела верхняя одежда вождя, на полочке лежали фуражки и шапки, внизу стояла обувь. Описи дачного имущества и фотографии сохранили для нас перечни и внешний вид этой одежды: меховое пальто на котиковой подкладке; бекеша на лисьем меху; коричневое пальто из драпа; пальто военное; военный плащ; пальто серое коверкотовое штатское с надставленными карманами; пальто летнее серое старое; шарф коричневый; шарф клетчатый; фуражка штатская со звездой; шапки меховые — котиковая, из черно-бурых лисиц¹⁴ и колонковая; военная фуражка; шляпа фетровая (коричневая); рукавицы заячьи; валенки фетровые, подшитые; галоши № 11.

В центре гостевой вешалки укреплено большое зеркало. В ящичках под ним хранились сталинские бритвенные приборы. Здесь по утрам периодически разворачивалась импровизиро-

ванная парикмахерская. Офицер личной охраны подполковник Василий Туков рассказывал, что вождь, как правило, брился сам. Сначала он пользовался опасной бритвой фирмы «Золинген», а с конца 30-х перешел на безопасную — фирмы «Жиллетт». Однако в последние годы жизни Сталина все чаще брили два парикмахера (история сохранила имя и отчество одного — Василий Михайлович — и фамилию другого — Матвеев¹⁵).

К Сталину стекалась обширная и самая разнообразная информация. В военные годы нескончаемой чередой шли докладные записки наркомов и секретарей обкомов прифронтовых областей, телеграммы и письма членов и уполномоченных ГКО, послания союзников по коалиции — британского премьер-министра и американского президента, сводки и донесения с фронтов и многое другое. И. М. Орлов вспоминал, что бывали дни, когда на «Ближнюю» каждые пятнадцать минут приезжали фельдъегери со специальной почтой — красным пакетом с надписью: «Лично товарищу Сталину».

Вот одно из таких донесений, доставленных на дачу¹⁶. «Государственный Комитет Обороны. Товарищу Сталину. 16 сентября 1942 г.

НКВД СССР докладывает донесение начальника Особого отдела Сталинградского фронта тов. Селивановского, который вернулся сегодня в 2 часа ночи из города:

„По состоянию на 24:00 15-го сентября противник в Сталинграде занимал элеватор, куда проникло до 40 танков и группы мотопехоты противника, дом специалистов, расположенный в непосредственной близости у Волги — 150–180 метров от переправы. Сюда противник подтянул более 20 танков, группы автоматчиков и минометчиков.

...Противником занят Мамаев Курган (высота 102), который господствует над всем Сталинградом и левым побережьем Волги — в радиусе 25–30 км от Волги, чем он взял под контроль все переправы и дороги, ведущие в Красную Слободку.

15 сентября в Сталинграде вела бой с противником при бывшая сюда ночью 13-я Гвардейская стрелковая дивизия (командующий генерал-майор Родимцев), которая в августе была выведена на переформирование, в течение последних двух недель непрерывно находилась на марше.

Бойцы дивизии оружием владеют плохо, дивизия пришла в расположение Сталинграда без боеприпасов. Принятыми мерами боеприпасы дивизии были доставлены.

ЗИС-101А на фоне забора и ворот № 2 «Ближней».

За день боев 15 сентября 13-я Гвардейская стрелковая дивизия потеряла 400 человек ранеными и убитыми и израсходовала все боеприпасы к автоматическому оружию, и несмотря на полночь 16-го сентября дивизия боеприпасов и артиллерии еще не получила.

Дивизия ощущает острую нужду в артиллерии, она ей необходима для разрушения домов, где засели автоматчики противника.

Очень плохо обстоит дело с транспортировкой раненых на левый берег Волги. Командир 13 Гвардейской стрелковой дивизии для

Генсек с соратниками на фоне северного фасада дачи.

перевозки раненых никаких средств не имеет. Легко раненые бойцы сами делают себе плоты, грузят на них тяжело раненых и, переправляясь на левый берег, относятся легко течением вниз по Волге, где разбредаются по селам в поисках оказания помощи.

Такое же положение в 62 армии.

Вообще Сталинград к обороне не был подготовлен. Укрепления на улицах заблаговременно сделаны не были, никаких складов с боеприпасами, медикаментами, продовольствием зарыто в землю в Сталинграде не было.

Части вели уличные бои только один день, а боеприпасов уже ни у кого нет. Боеприпасы и продовольствие теперь приходится доставлять через Волгу — через единственную работающую переправу и то только в ночное время.

Через командующего фронтом тов. Еременко поставлен вопрос о немедленной доставке ночью в Сталинград для 13 Гвардейской стрелковой дивизии 500 000 патронов к автоматам, 10 000 ПТР, 10 пушек со снарядами, выделение одного-двух речных трамваев для перевозки раненых и организации переправы 1500 бойцов...

До прихода в Сталинград 13 Гвардейской дивизии, в районе вокзала противника сдерживал армейский заградительный отряд 62 армии. Многие товарищи из отряда за проявленную доблесть в бою представляются к правительственным наградам.

Факты неорганизованности и беспечности продолжают иметь место. Личным выездом в Сталинград в ночь на 16 сентября установил, что оборона КП 13 Гвардейской стрелковой дивизии и пункта связи командующего 62 армии, расположенных на берегу Волги у здания НКВД, полностью с Волги не организована, несмотря на то, что в 100–150 метрах от КП и узла связи находится противник. Указал на это командующему 13 Гвардейской дивизии товарищу Родимцеву, приняты меры организации обороны и усиления охраны КП...

14-го сентября около 22 часов группа автоматчиков противника, проникшая в район Медведицкой улицы, захватила КП 8 отдельной роты комендантского управления города, которая находилась в штольне. При захвате этого КП было взято в плен около 80 человек и сейчас взятые в плен были использованы небольшими группами на подноску патронов немецким автоматчикам. Одна такая группа в количестве 6 человек работниками НКВД взята в плен обратнo, в районе КП 13 Гвардейской СД, из которых 4 человека расстреляны как изменники родины перед строем. Ведется следствие...

Заградительным отрядом Особого отдела 62 армии с 13 по 15 задержано 1218 человек военнослужащих; из них расстреляно — 21, арестовано — 10, остальные направлены в свои части. Большинство задержанных относятся к войскам 10 дивизии НКВД и связному полку 399 стрелковой дивизии, который был брошен на поле боя командиром и комиссаром полка. За проявленную трусость — бегство с поля боя и оставление части на произвол судьбы, командир связного полка 399 стрелковой дивизии майор Жуков и комиссар — ст. политрук Распопов расстреляны перед строем.

В настоящее время бои идут в пунктах, указанных в телеграмме. Изменений нет.

Авиация с обеих сторон действует активно. Идут крупные воздушные бои“.

Об изложенном и особо об отсутствии боеприпасов в частях, находящихся в Сталинграде, информирован командующий фронтом тов. Еременко.

Л. Берия»¹⁷

Случалось так, что сам Хозяин сталкивался в прихожей с офицерами фельдсвязи. «Я хорошо запомнил одного из них, — рассказывал Орлов. — Я как раз тогда дежурил. Это было начало февраля 1943 года. Шел снег, погода была ужасная.

Фельдъегеря тогда ездили на мотоциклах. Фельдъегерь вошел весь засыпанный снегом, отдал честь и передал Сталину пакет. „Подождите!“ — сказал Сталин и ушел в Большой зал. Через несколько минут он вернулся в прихожую. В правой руке у него был большой бокал с коньяком, в левой офицерские погоны, которые в начале января вновь были введены в армии. „Выпейте, майор“, — предложил Сталин, подавая фельдъегерю бокал. „Я не могу, я на службе“, — ответил растерявшийся старший лейтенант. Сталин улыбнулся. „Мы, майор, здесь тоже не хреновиной занимаемся. Пейте, теперь вы майор, — сказал Сталин, протягивая офицеру погоны. — Сегодня можно, сегодня праздник — Сталинград освобожден!“»¹⁸

Названия комнатам первого этажа дал сам Хозяин, следивший за тем, как их называет охрана и обслуживающий персонал дачи. Если кто-нибудь ошибался и говорил, например, «в Большой столовой» вместо «в Большом зале», то Хозяин обязательно поправлял.

На «Ближней», впрочем, как и на других сталинских дачах, поддерживался строгий порядок. Без разрешения Сталина нельзя было переставлять вещи, что-либо менять. Комнаты были оборудованы кнопками звонков, на столиках стояли внутренние телефоны без дисков: к вождю входили только по вызову. В помещениях царил абсолютная чистота. Везде висели термометры. Температура в доме могла колебаться в пределах от 18 до 22°С.

Хрущев на XX съезде КПСС утверждал: мол, Сталин операции планировал по глобусу. Глобус действительно у Сталина был, но не на даче, а в комнате отдыха при кремлевском кабинете¹⁹. Запомним, что никто из советских военачальников воспоминаний о посещении сталинской комнаты отдыха не оставил.

Хрущевский вымысел опроверг и Микоян. Сетуя на ошибки и крайности Хрущева, которые, по его мнению, ослабляли позиции в десталинизации, он писал: «Глобус стоял вообще в другой комнате, я его только два раза видел: когда Япония напала на Пирл-Харбор в декабре 1941 г. и еще по какому-то случаю. Сталин следил за военными действиями по картам Генштаба. Кроме того, ему специально сделали карту, которую он носил за

голениищем сапога. Такая синяя карта была, он ее доставал, делал пометки, вносил изменения и засовывал обратно. (Правда, непонятно, почему в сапоге. Видимо, крестьянская привычка, еще из Гори или из деревни в Сибири, из ссылки.) Другое дело, что он часто дезорганизовывал работу Генштаба, отправляя Василевского на несколько недель на фронт, что не вызывалось необходимостью, но оставляло Генштаб без этого прекрасного маршала. Начальник Генштаба может два-три дня провести на каком-либо фронте, но больше всего нужно его присутствие в Ставке. Василевский был порядочным, спокойным, умным, только, может быть, слишком мягким со Сталиным, недостаточно решительно противостоявшим сталинским капризам вроде „Не отступать!“ или „Взять к такому-то числу!“»²⁰

Еще две карты висели в ведущем в западную часть дома коридоре: одна справа от входа в Большой зал, ближе к входу на второй этаж, другая — напротив. По воспоминаниям очевидцев, это были географические карты различных регионов Советского Союза.

Встретив гостей, Сталин часто приглашал их пройти в Малую столовую. Здесь, как следует из названия комнаты, довольно часто накрывали стол для трапезы вождя.

Малая столовая — это 76-метровая комната, в отличие от большинства других, с 1938 года не претерпела практически никаких изменений: ее не перестраивали и обстановку почти не меняли. Пожалуй, она была самой уютной. Широкие окна лишь наполовину задернуты шторами и гардинами, так что комната хорошо освещена. По стенам, облицованным почти в человеческий рост панелями из карельской березы, скачут солнечные зайчики, пробившиеся сквозь густые кроны окружающих дом деревьев. Ощущение простора усиливает высокий кессонированный потолок. По его периметру прикреплены широкие полосы из карельской березы. В центре побеленного плафона — массивная бронзовая шестирожковая люстра, а по углам — трехрожковые люстры поменьше.

Первое, что бросается в глаза, — стоящий на большом светло-коричневом ковре прямоугольный обеденный стол. Он накрыт сильно накрахмаленной скатертью из белой камки. Ширина стола 1,25 метра, длина — 3 метра, при желании его можно раздвинуть. На ближнем левом углу — глубокая пепельница из белого мрамора, в которую так удобно класть трубку; еще одна, точно такая же, — на дальнем конце стола, строго по диагонали. Там же, но слева, — фарфоро-

вая ваза для фруктов, две тарелки и фруктовый серебряный нож. Вокруг стола восемь стульев с серо-голубой, в тон диванам, обивкой.

За этим столом Сталин обычно и работал, и обедал. Чаще всего он располагался у ближнего к входной двери левого угла точенные цветные карандаши (обычно 14 штук) и блокноты. Здесь же — коробки советских папирос «Герцеговина Флор» и болгарских «Люкс», гаванские сигары, трубочистки, спички.

Заметим, что пепельницы на «Ближней» имелись во всех помещениях. Их ставили на небольших круглых и на обеденных столах. Когда вождь работал или проводил заседания, то часто прохаживался около стола, держа в руке трубку, и пепельницы ему всегда были нужны. «Я очень часто присутствовал на заседаниях на «Ближней» при подготовке важных партийных документов, — вспоминал один из ответственных работников ЦК партии. — Обычно нам давали задание и устанавливали срок подготовки партийного документа. В назначенный день все мы собирались на заседание у Сталина — ответственные сотрудники аппарата и стенографистки.

Сталин внимательно слушал наши доклады, обычно прохаживаясь около стола. Затем он начинал говорить, диктуя текст документа, о котором шла речь. Больше никакой редакции уже не требовалось»²¹.

Справа от камина два больших окна, между ними двойные двери с тамбуром, которые ведут на застекленную восточную веранду. Через небольшую дверь слева от камина можно попасть на северную террасу. В Малой столовой на столах, подоконниках и на деревянном барьере террасы с весны до осени расставляли в вазах, а то и прямо в стаканах и фужерах цветы, которые Сталин сам срезал и приносил из сада. Провожая приехавших на дачу гостей, генсек обычно дарил им и водителю машины самолично составленные букеты.

С приходом гостей в камине на мельхиоровых шампурах жарили шашлыки. «Сталин внимательно наблюдал, как делают шашлык, и, иногда не вытерпев, говорил: „Вы не умеете. Вот как надо“, — и сам принимался за дело», — вспоминал И. М. Орлов.

Справа от камина, на ручке окна, висел полковой бинокль. Здесь же стояли охотничьи ружья: одно известной немецкой фирмы «Зауер», другое — американский винчестер. Еще одно ружье подарили тульские оружейники 23 февраля 1941 года. Было и великолепное охотничье ружье французской работы, но после войны

Сталин со Светланой на северной террасе Главного дома.

Сталин подарил его сыну Василию. Сам хозяин чаще всего пользовался винчестером, стреляя прямо с северной террасы по воронам: их крики мешали работать²².

На северную террасу выходят четыре окна. В простенке между вторым и третьим, как и прежде, стоит круглый стол. На красной скатерти, расшитой желтыми цветами, — кнопка для вызова охраны и черные телефонные аппараты фирмы «Сименс»: правительственная «вертушка» и телефон специальной связи с говорящим названием «кремлевка». Рядом аппарат цвета слоновой кости — так называемый «ВЧ». В конце 40-х годов к ним добавился красный телефон. Теперь члены Политбюро ЦК могли связаться со Сталиным, набрав двузначный номер. Рядом на стене — специальные рычажки-выключатели. Когда кто-либо звонил Сталину по любой из линий связи, то вначале попадал к дежурному. Тот узнавал, кто звонит, после чего по внутреннему телефону докладывал вождю. Получив его согласие, дежурный говорил звонившему: «Ждите», — и по внутреннему телефону сообщал Сталину: «Такой-то у такого-то телефона». Хозяин снимал трубку, переключал нужный рычажок и обычно говорил в трубку: «Сталин».

Сотрудники охраны рассказывали, что до войны у генсека стоял и городской телефон. Очень часто случалось, что по нему по ошибке звонили посторонние лица. Сталин сердился и, в конце концов, приказал городской телефон убрать, а все остальные телефоны переключить на дежурных. Когда же надо было позвонить абоненту городской телефонной сети, то Сталин пользовался аппаратом ВЧ. По приказанию дежурные соединяли Хозяина с понадобившимися ему людьми²³.

Светлана Аллилуева утверждала, что по телефону Сталин отдал приказ об убийстве известного актера и общественного деятеля Михоэлса²⁴.

Работая по ночам, вождь, как правило, не вызывал прислугу, поэтому на столике всегда стоял электрический чайник. Ночью хорошо работалось, особенно зимой, когда ночи так длинны. В мягком свете лампы посверкивал хрустальный стакан в мельхиоровом подстаканнике. Генсек прихлебывал маленькими глотками чаек с лимоном, и карандаш летел по бумаге. «ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов — крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического

воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП.

При этом было указано, что физическое воздействие, как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, namного ускорив дело разоблачения врагов народа».

Тут самое время отмежеваться от «перегибов», свалить вину на других и оправдаться самому. «Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами Заковским²⁵, Литвиным²⁶, Успенским²⁷ и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опорачивается самый метод, поскольку он правильно применяется на практике».

Какова железная логика стального вождя! Правильно, потому что применяется.

Впрочем, можно сослаться и на опыт врагов. Звучит примитивно, но вроде бы логично. «Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников УНКВД руководствовались настоящим разъяснением»²⁸.

Естественно, что руководствовались «настоящим разъяснением» вплоть до самой смерти «отца всех народов» и даже чуть позже. И в центре, и на местах беспрекословно выполняли требование ЦК. Так и положено было в сталинском «ордене меченосцев» — в коммунистической партии, — скрепленной жесточайшей дисциплиной отнюдь не демократического централизма, да и критикой с самокритикой, т. е. публичным

Прихожая. Двери в тамбур.

обсуждением, осуждением и обязательным самобичеванием, — в случае слушания. А чтоб не забывали, вождь, как в деле «врачей-вредителей», мог и напомнить.

С Малой столовой связан эпизод из жизни Сталина, о котором историки до сих пор спорят. Речь идет о поведении вождя в первые дни войны: был ли он повергнут в шок и в растерянности затворился на даче или, собрав в кулак и без того стальную волю, без усталости трудился в кремлевском кабинете? Хрущев на закрытом заседании XX партсъезда изложил собравшимся первую версию, хотя сам в июне 1941 года в Москве не присутствовал и мог знать о столичных событиях лишь с чужих слов. Летом 1990 года были впервые опубликованы несколько страниц из журнала посетителей Сталина, принятых им в Кремле²⁹.

Из документов следовало, что с 22 по 28 июня вождь регулярно появлялся в кремлевском кабинете, где совещался со своим ближайшим окружением и вызывал на ковер военных и штатских. Однако ни 29, ни 30 июня Сталин приема в Кремле не вел, возобновив его только 1 июля.

О том, что происходило со Сталиным после нападения Германии на СССР, в разное время вспоминали трое очевидцев из ближнего окружения вождя — Молотов, Каганович и Микоян. Первые двое лишь кратко упоминали о поведении генсека, а последний подробно изложил события последних июльских дней в своих мемуарах.

Микоян писал: «На седьмой день войны фашистские войска заняли Минск. 29 июня [согласно журналам записи лиц, принятых генсеком, это было 28 июня. — *Авт.*], вечером, у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков,

Гостевая вешалка с зеркалом и кресло. Здесь брили генсека.

я и Берия³⁰. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда еще не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко³¹, но тот ничего путного о положении на западном направлении сказать не мог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться в обстановке.

В наркомате были Тимошенко, Жуков и Ватутин³². Жуков докладывал, что связь потеряна, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи — никто не знает. Около получаса говорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: «Что за Генеральный штаб? Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?»

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек буквально разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут

через 5–10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были мокрые...

Сталин был очень удручен. Когда вышли из наркомата, он такую фразу сказал: «Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, все это просрали...» Мы были поражены этим высказыванием Сталина. Выходит, что все безвозвратно потеряно? Посчитали, что это он сказал в состоянии аффекта³³.

Уехавший на «Ближнюю» вождь соратникам не звонил и не собрал их в Кремле на следующий вечер. Интересное свидетельство об этом оставил Чадаев³⁴, в годы войны занимавший пост управляющего делами Совнаркома: «Вечером я вновь зашел с бумагами к Поскребышеву, и вновь... Сталин не появился [согласно журналам записи лиц, принятых генсеком, это могло быть только 29 и 30 июня. — Авт.]. У меня скопилось много бумаг, и поскольку первым заместителем был Вознесенский³⁵, я попросил его подписать. Вознесенский позвонил Молотову, потом долго слушал его и, положив трубку, сказал:

— Молотов просит обождать один день и просит членов Политбюро собраться у него через два часа. Так что пусть эти документы побудут у вас...

Вознесенский поднял трубку вертушки, ждал минуту и сказал:

— Никто на даче не отвечает³⁶. Непонятно, видно, что-то случилось с ним в такой тяжелый момент...»³⁷

Некоторые, описывая сталинские деяния, настаивают на том, что «вождь народов», за-

мкнувшись на «Ближней» и лишив соратников общения с собой, испытывал их на преданность. Такая трактовка вызывает большие сомнения: все ближнее сталинское окружение было давно подчинено стальной воле Хозяина. Молотов привык одобрять сталинские решения еще с дооктябрьских времен, хотя и он, и Микоян

Коридор первого этажа Главного дома. Справа видны окна второй комнаты, выходящие в коридор.

позднее утверждали, что осмеливались спорить с вождем³⁸. Все приближенные, которых генеральный секретарь в разные годы включал в состав узкого руководства, были связаны с ним круговой порукой: подписывали расстрельные списки, по его заданию отправлялись на места — проводить чистки в парторганизациях.

Слепо преданный генсеку до конца жизни Каганович полностью отрицал сталинскую растерянность в первые дни войны³⁹. Однако из документов видно, что он не присутствовал в кремлевском кабинете Сталина 28 июня. Не упоминается «железный нарком» и среди тех, кто приехал на «Ближнюю» 30 июня. В отличие от Кагановича, Молотов подтверждает некоторую подавленность Хозяина. Так, обсуждая книгу А. Авторханова, он по поводу процитированных в ней слов Хрущева: «Я знаю, каким героем он был. Я видел его, когда он был парализован от страха перед Гитлером, как кролик, загипнотизированный удавом», — сказал: «Ну, конечно, он переживал, но на кролика не похож, конечно. Дня два-три он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен. Но всем было очень трудно, а ему особенно...

— Авторханов пишет о Евгении Аллилуевой, тетке Светланы, которая пришла к Сталину в августе 1941 года и была поражена его паническим настроением.

— Нет, тогда он уже оправился»⁴⁰.

Микоян, однако, утверждает, что Молотов был в свое время более категоричен в оценках сталинского состояния. Когда зашла речь о том, что необходимо ехать к вождю, то «Молотов, правда, сказал, что Сталин в последние два дня в такой прострации, что ничем не интересуется, не проявляет никакой инициативы, находится в плохом состоянии»⁴¹.

Итак, 30 июня в кремлевском кабинете Молотова собрались Берия, Ворошилов и Маленков. Пригласили Микояна и Вознесенского. Берия, вводя приглашенных в курс дела, заговорил о создании специального государственного органа, которому была бы передана вся полнота власти. Все согласились с тем, что возглавить его должен Сталин⁴², и, позвонив на «Ближнюю», попросили разрешения приехать⁴³.

«Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно посмотрел на нас. Потом спросил: „Зачем пришли?“ Вид у него был настороженный, какой-то

странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать.

Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы поставить страну на ноги. Для этого создать Государственный Комитет Оборона. „Кто во главе?“ — спросил Сталин. Когда Молотов ответил, что во главе — он, Сталин, тот посмотрел удивленно, никаких соображений не высказал. „Хорошо“, — говорит потом. Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного Комитета Оборона. „Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я“, — добавил он»⁴⁴.

Судя по сохранившемуся черновому варианту постановления об образовании ГКО, дальше дело обстояло следующим образом. Собравшийся с силами Хозяин потребовал от «штатного писарчука» Маленкова необходимый текст⁴⁵. Тот присел у краешка обеденного стола и принялся строчить красным карандашом в блокноте: «В целях быстрой мобилизации и организации всех сил народов СССР для отпора врагу, напавшему на нашу страну, Центральный Комитет ВКП(б) и Совнарком СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Оборона в составе:

т. Сталина — председатель

т. Молотова заместитель». Тут остальные фамилии Маленков стал писать более мелкими буквами — страничка кончалась. Пункт 2 он начал на следующей странице: «2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Оборона.

3. Обязать все партийные, советские, хозяйственные и военные органы беспрекословно⁴⁶ выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Оборона»⁴⁷.

Потом начали обсуждать текст и вносить поправки. Придумали, что постановление должно быть подписано не только Сталиным от имени ЦК и Совнаркома — нужно подписать и за отсутствующего декоративного президента страны Калинина. Местом принятия документа указали, конечно, Кремль. Решили признать, что нападение врага было вероломным: нарушил Гитлер оба договора, на которые так надеялся Сталин. Сочли необходимым поменять родительный падеж на именительный в написании

Столовая.

фамилий членов ГКО и добавить инициалы. Маленков эти и другие мелкие поправки тут же вносил в текст. Приложили руку к документу и Сталин с Молотовым: свежее испеченный председатель вписал в третий пункт слова «всех граждан» и заменил слово «хозяйственные» на «комсомольские», а его заместитель исправил слово «страну» в первом пункте на «родину».

Именно этот рукописный вариант постановления и сохранился в фондах Политбюро ЦК. Машинописный экземпляр документа, отложившийся в приложениях к протоколам Политбюро, видимо, был отпечатан позднее. На нем нет руки авторов, а лишь делопроизводственные пометки о рассылке: «т. Каг[ановичу], Мик[ояну], Стал[ину], Калин[ину], Молото[ву], Берия,

Щерб[акову], Мал[енкову]»⁴⁸. Можно предположить, что Маленков прямо из Малой столовой позвонил в «Правду» и продиктовал окончательный

вариант. На следующее утро, 1 июля 1941 года, постановление о создании Государственного Комитета Оборона было опубликовано в газетах.

«Спальня Светланы»

Комната № 1 находилась в конце длинного коридора, ближе к хозяйственному крылу здания, и своим положением выделялась из состава остальных помещений, постоянно использовавшихся генсеком для проведения рабочих встреч. Видимо, еще при проектировании дома она предназначалась вождем для дочери.

Как только было закончено возведение первого каркасного дома, в этой 28-метровой комнате с двумя большими окнами и двустворчатой дверью на северную террасу смогла разместиться восьмилетняя рыжеволосая девочка. Если ее не радовала кремлевская квартира, то вряд ли ей могли понравиться все те же деревянные панели на стенах, широкие лакированные светло-коричневые подоконники и тот минимум мебели, что находился в комнате. У одного из окон стояла кровать с тумбочкой, у другого — диван. С высокого потолка свисала массивная бронзовая люстра⁴⁹. Небольшие круглые столики, накрытые цветными скатертями, дополняли скудную обстановку. Лишь большой шерстяной ковер текинской работы на полу несколько скрашивал казенный интерьер.

Здесь дочь генсека часто бывала по праздникам и вплоть до июня 1941 года проводила часть летних каникул. Обслуживающий персонал дачи называл эту комнату «спальней Светланы». «Иногда летом, — вспоминала Светлана Иосифовна, — он [Сталин. — Авт.] забирал меня к себе в Кунцево дня на три, после окончания занятий в школе. Ему хотелось, чтобы я побыла рядом. Но из этого ничего не получалось, так как приноровиться к его быту было невозможно: он завтракал часа в два дня, обедал часов в восемь вечера и поздно засиживался за столом ночью, — это было для меня непосильно, непривычно. Хорошо было только гулять вместе по лесу, по саду; он спрашивал у меня названия лесных цветов и трав, — я знала все эти премудрости от няни, — спрашивал, какая птица поет. Потом он усаживался где-нибудь в тени читать свои бумаги, газеты, и я ему уже была не нужна, я томила, скучала и мечтала поскорее

уехать в Зубалово, где была масса привычных развлечений, куда можно было пригласить подруг. Отец чувствовал, что я скучаю возле него, и обижался, а однажды рассорился со мной надолго, когда я спросила: „А можно мне теперь уехать?“ „Езжай!“ — ответил он резко, а потом не разговаривал со мной, долго не звонил.

И только когда по мудрому наущению няни я „попросила прощения“ — помирился со мной. „Уехала! Оставила меня, старика! Скучно ей!“ — ворчал он обиженно, но уже целовал и простил, так как без меня ему было еще скучнее»⁵⁰.

Начавшаяся война изменила быт сталинской семьи. Осенью 1941 года девятиклассницу Светлану Сталину эвакуировали в Куйбышев. Там, на Волге, она пробыла почти год, когда же изменилась обстановка на фронтах, вернулась в Москву.

Прибыв в Кремль, Светлана нашла отца в бомбоубежище. При их встрече имел место характерный диалог. «Отец не замечал меня, я мешала ему. Кругом лежали и висели карты, ему докладывали обстановку на фронтах.

Наконец, он заметил меня, надо было что-то сказать... „Ну, как ты там, подружилась с кем-нибудь из куйбышевцев?“ — спросил он, не очень думая о своем вопросе. „Нет, — ответила я, — там организовали специальную школу из эвакуированных детей, их много очень“, — сказала я, не предполагая, какова будет на это реакция. Отец вдруг поднял на меня быстрые глаза, как он делал всегда, когда что-либо его задевало: „Как? Специальную школу?“ — я видела, что он приходит постепенно в ярость. „Ах вы! — он искал слова поприличнее, — ах вы, каста проклятая! Ишь, правительство, москвичи приехали, школу им отдельную подавай! Власик — подлец, это его рук дело!..“ Он был в гневе, и только неотложные дела и присутствие других отвлекли его от этой темы»⁵¹.

Весной 1943 года произошли события, которые, по словам Светланы Иосифовны, навсегда разъединили ее с отцом — «мы стали относиться друг к другу отчужденно».